

О поездке в Киров через пятнадцать лет

Войцех Мисюкевич

журнал польских охотников Brać Łowiecka, 2017 № 10. P.20-22.

www.braclowiecka.pl

В 2002 году я поехал в Россию на научную конференцию, организованную научно-исследовательским институтом в Кирове. Теперь, спустя 15 лет, я смог вернуться и посетить уголки тайги, в которых давно не был. Сильно ли там изменилось за это время?

Польские охотники десятилетиями посещали восточного соседа. Мы охотимся от Смоленской области до Сахалинской. Мы воспринимаем охотничьи приключения, мы познакомимся с культурой и обычаями других народов, чтобы установить дружеские отношения. Россия (хотя мы ее часто видим как изолированную страну) на самом деле всегда открыта для сотрудничества во многих областях. Часто нами недооценивается российская наука, которая действительно имеет впечатляющие достижения. Сегодня, благодаря непрерывному преобразованию по обе стороны европейской арены, у нас есть шанс для бесшовного обмена опытом и реализации совместных научно-исследовательских проектов. Одним из научных учреждений, с которыми польские ученые и охотники работают в течение многих лет, является Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства в Кирове. Когда-то Киров был закрытым городом, недоступным для иностранцев, потому что там были расположены заводы, которые под «зонтиком» завода стиральных машин «Вятка» (ранее также была доступна на нашем рынке) производили военную технику. В настоящее время город открыт для всех желающих.

В Научно-исследовательском институте охотничьего хозяйства и звероводства в Кирове я впервые побывал в 2002 году. Результатом того визита стала статья «О поездке в Киров», написанная пятнадцать лет назад (Brać Łowiecka, 10/2002). Тогда я закончил ее словами: *«Покидаю крупнейший в мире бор в надежде, что однажды вернусь обратно, возможно, для того, чтобы дать волю охотничьей страсти и встретиться лицом к лицу с королем российской тайги - медведем»*. Через пятнадцать лет случилось так, что я, действительно, вернулся в Киров и в очередной раз принял участие в конференции. Я посетил то же место в тайге, и, прежде всего, мне посчастливилось встретиться с теми же людьми, с которыми я установил дружественные контакты полтора десятилетия назад. И хотя я не дал воли охотничьей страсти и не стоял перед царем русской тайги - медведем, поездка эта, как всегда, когда я еду на восток, была настоящим приключением. И это несмотря на то, что я не в первый раз приезжаю в Россию. Я помню, как зимой, путешествуя на поезде из Москвы на восток, через спальный вагон ходили пассажиры, завернутые в куртки и одеяла, они просили подбросить уголь в печку, которую контролируют проводники в другой части вагона, в отсеке на конце. И если, несмотря на эти процедуры, проводник был не в состоянии прогреть купе, пассажиры разогревались обычно по-русски – напитками. Теперь это выглядит совершенно по-другому: вагоны удобные и в

хорошем состоянии, теплые купе поощряют путешественников пользоваться только железнодорожным транспортом. Все чисто и безопасно.

На востоке без перемен

Основной целью моей поездки было участие в международной конференции «Современные проблемы ...». Конференции под таким названием проводятся в Кирове регулярно каждые пять лет. Помимо хозяев, самую многочисленную группу участников составляли мы – поляки. Коллеги из Надлесничества Глубокий Брод, с которыми я путешествовал, подготовили доклады, связанные с проектом сохранения глухаря в Августовской пуще, финансируемый программой LIFE. Я сам, занимаясь годы бобром, представил проблемы, связанные с первой попыткой внедрить модель управления популяцией этого грызуна в Польше. Исследователи из Жешува представили результаты исследований о влиянии электромагнитного излучения на беременных оленей. Помимо нас, и, конечно, хозяев, свои доклады также представили финны, шведы, австрийцы, турки, словаки, чехи, белорусы и литовцы. Конференция длилась в течение трех дней. Я заметил, в то время, что за пятнадцать лет институт почти не изменился, лишь немногие новые лица пришли к занятию наукой. И все это является результатом экономической ситуации, с которой должны бороться российские ученые. Достаточно сказать, что годовой бюджет того института, в переводе на злотые - 1 миллион, из которых половину финансирует Москва, другую Институт должен работать сам. Это последствия Перестройки Горбачева, которая не всеми россиянами воспринимается положительно. В настоящее время в институте работает 101 сотрудник, из которых 35 ученых с докторскими и кандидатскими учеными степенями. К сожалению, из-за низких зарплат сотрудников, лишь немногие молодые люди выбирают путь быть связанным с научной работой, ведь это, в конце концов, требует больших жертв.

Trekol (transport ekologiczny) – wóz, bez którego trudno poruszać się po tajdze

Archi. Wojciecha Misikiewicz (8)

Снова в тайгу

Но не только конференция была целью моей поездки в Кировскую область. Еще до ее начала я вместе с лесниками из Надлесничества Глубокий Брод съездил в тайгу. У каждого из нас была особая причина, чтобы совершить такую поездку. Основная цель поездки лесников – углубить сотрудничество с российскими учеными в области сохранения глухаря,

для меня – собрать дополнительный материал для книги об управлении популяцией бобра через контакт с местными егерями. Я не был разочарован. Благодаря всемирно известному бобровому специалисту – доктору Александру Савельеву – у меня был шанс подсмотреть и задокументировать как в чрезвычайно сложной местности русские применяют к бобру трапперские методы. Здесь мы должны знать, что до 1988 года в России не разрешалось использовать огнестрельное оружие во время охоты на бобров и других полуводных. Добывать можно было только капканами и ловушками. А отстрел бобров, часто приводящий к подранкам, был немыслим. Кроме того, капканый способ добывания бобров используется во всем мире (США, Канада, скандинавские страны и страны Балтии и соседние с нами на востоке). И когда русские услышали, что в Польше эти методы не могут применяться, то были не вполне в состоянии понять причины, по которым не используются самые гуманные методы охоты, которые не вызывают ненужные страдания животных. Они могли бы также понять, почему в нашей стране активисты экологии имеют такое огромное влияние на основные отрасли хозяйства. На самом деле, к этой теме во время нашей поездки мы возвращались время от времени.

Польская делегация вместе с коллегами из ВНИИОЗ у избушки в Рохачах. Второй справа - доктор Александр Савельев

Спустя несколько лет я снова посмотрел на тайгу в одних и тех же местах. Мы посетили старую избушку в Рохачах, где ночевали 15 лет назад. Избушка не изменилась, но тайга – да. Я не говорю о характере древостоя, но о границах леса, которые локально увеличивают охват территории. А с чем это связано? Теперь – с экономическим развитием региона и всей страны. Раньше люди просто принуждались быть привязанными к месту, теперь у них появился шанс улучшить свое экономическое положение. От этого страдают населенные пункты и целые деревни, которые пустеют, брошенные молодежью, которая, в свою очередь, ищет будущее в городах. Люди покидают свои места, бросают дома и ищут другие пути. И до недавнего времени тайга не заходила на поля и луга. Для польского ученого это является идеальным исследовательским полигоном для наблюдений за изменениями, происходящими в результате естественных экологических процессов. Однако, в тех местах,

где полтора десятка лет назад я видел на открытых пространствах токующих тетеревов, в настоящее время в молодых сосняках стреляют лосей. И на самом деле лось здесь является одним из основных видов, на который охотятся в этих сложных условиях. И это действительно трудная охота. Когда мы в последние дни мая были в тайге, там кое-где еще лежал снег. А если к этому добавить отсутствие полей и культур, то не удивительно, почему не водятся здесь олени, косули и кабаны, а основная добыча – лоси.

Проходя через почти опустевшие деревни, мы встречались и разговаривали не только с охотниками, но и с сидящими на лавочках перед домами старушками. Их основной вопрос, конечно же, касался размера пенсии в Польше. Специально для них пенсию один раз в месяц привозят в деревню, она около 800 злотых. Когда отвечаю, что минимальная пенсия в нашей стране составляет 1000 злотых, с пониманием кивают.

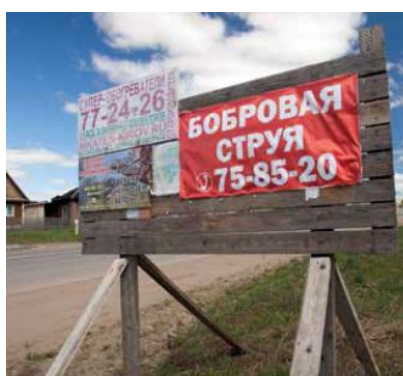
Запрыгнув в УАЗ и Ниву, мы двигаемся дальше дорогами, которые в наших условиях, безусловно, *off-road*-ные. Сами русские говорят: «В России легче построить автомобили для таких дорог, чем дороги для автомобилей». Тем более, пишу смело, у меня уже неоднократно возникала рефлексия (мысль), что мой Лэнд Ровер уже давно бы застрял в мутной жиже много километров назад. И это нисколько не шутка. В конце концов, однако, нам навстречу пришел «вездеход» ТРЭКОЛ – автомобиль, вооруженный лебедкой и снабженный колесами уникального размера. Несколько дней спустя выяснилось, что даже он может застрять в грязи при попытке достичь глухариного тока. И это был особый случай, когда на помощь направили гусеничный трактор, у которого в грязи слезла гусеница, что заставило нас идти пешком весь обратный путь. Туда снова был послан трактор, и жертву вытащили из грязевой ловушки.

Научная схема охоты

Мы добрались до деревни Мотоус, где находится база Научно-опытного охотхозяйства под руководством пресимпатичного Сергея Стреляного. Здесь мы расположились в домах, которые обычно служат жильем для российских и иностранных охотников на медведя, волка, рысь, лося, глухаря, тетерева и вальдшнепа. Условия абсолютно комфортные, и основное блюдо, конечно, лосятина. Мы оставались здесь в течение нескольких дней, чтобы испытать гостеприимство наших хозяев, а на рассвете в сумерках услышать прелести песни глухаря и тетерева. Днем я направляюсь с доктором Александром Савельевым и профессиональным егерем Олегом Скурихиным на бобровое поселение. Наблюдая за их работой, я собираю материалы для своей книги о бобрах.

Кстати, расскажу об охотхозяйстве института. Оно по нашим польским масштабам достаточно велико – более 66000 га. Охотятся здесь в научных целях, поэтому часть видов можно добывать в течение года. Помимо охотничьего сезона здесь добывают, например, материал для исследований беременности лосих, что приводит наш университет Вармии и Мазурии, пробы для исследования сперматогенеза, проведенного Польской академией наук в Попельно по размножению копытных, медведей, барсуков. Институт исследования млекопитающих ПАН получает образцы от рыси, которые используются для генетических исследований, проводимых по всей Евразии, от Испании до Тихого океана. На территории институтского хозяйства ежегодно можно стрелять 60-65 лосей, 5-6 медведей, рысь, десятки глухарей и тетеревов. Так как лосиный сезон длится до конца декабря, добывают также быков, которые уже сбросили рога. Сезон охоты на медведей в основном осенью (с

августа) на овсах, а также весной, после схода снега на самцов, которые оставляют берлоги. Рысей, бобров, куниц и американских норок ловят трапперскими методами с помощью капканов. Всё чаще иностранные охотники посещают хозяйство, в том числе немало поляков. Организацией такой охоты занимается институтский Отдел экономики, права, техники и охоттуризма. Весной рано утром стреляют глухарей и тетеревов на токах, вечером – вальдшнепов на тяге. Практикуется также весенняя охота на селезней с подсадными утками. Таких уток специально выращивают с птенцового возраста. В августе – сентябре гости на овсах стреляют медведей, а лосей – во время гона в сентябре. Зимой, до недавнего времени они проводили охоты на волков и рысей с использованием флажков или на рысей с собаками. Но поскольку теперь законодательство Евросоюза запретило импортировать трофеи рыси в страны ЕС, охотники лишены выбора и охотятся только на волков. В зимний период, когда глубокий снег, иностранные охотники охотятся на тетеревов на лунках.

Кастореум по-прежнему используется в русской народной медицине. На фото придорожная реклама бобровой струи

Через нескольких дней, испытав исключительные таежные впечатления, мы возвращаемся в Киров. Проехав через распутицу, мы достигаем асфальта и едем 100 км на запад. По дороге я фотографирую рекламное объявление о бобровой струе – кастореуме. Этот препарат до сих пор используется в русской народной медицине. Достигнув Кирова, принимаем участие в конференции, где представляем наши доклады, знакомимся с результатами исследований и наблюдений ученых биологов-охотоведов из других стран.

Когда я вернулся в Польшу, меня пронзила мысль, что через пять лет, всего лишь через полдесятилетия, ВНИИОЗ в очередной раз будет проводить конференцию. И это будет сотая годовщина деятельности научного учреждения. Я надеюсь, что у меня будет возможность в очередной раз посетить как Киров, так и тайгу. И хотя у меня больше нет желания встретиться с королем российской тайги – медведем, возможно, на следующей конференции я представлю доклад не о проблемах, связанных с управлением популяции бобра в Польше, а об успехах в управлении этим видом. Я также надеюсь, что встречу тех же людей, с которыми двадцать лет назад завязались приятельские контакты. А еще я очень надеюсь снова встретить прославленного специалиста по крупным хищникам - д-ра Ивана Козловского – поляка, которого бурная судьба наших стран оставила вместе с семьей с восточной стороной нашей границы.

*перевод с польского:
А. Савельев, 06.07.2017*